

Хащенко Татьяна Геннадьевна

д-р психол. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный аграрный

университет имени П.А.Столыпина»

г. Ульяновск, Ульяновская область

DOI 10.31483/r-138865

К ПРОБЛЕМЕ ДИАГНОСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА К ДЕСТРУКТИВНОМУ ЦИФРОВОМУ КОНТЕНТУ

***Аннотация:** в статье анализируется состояние разработанности теоретико-методологических оснований диагностики психологической устойчивости личности к воздействию деструктивной информации в цифровом пространстве. На основе изучения релевантных отечественных и зарубежных источников делается вывод о дефиците валидного диагностического инструментария, связанном с недостаточной изученностью данного вида психологической устойчивости, специфических для него индикаторов, с фрагментарностью и противоречивостью данных о личностных коррелятах психологической устойчивости к деструктивным факторам цифровой среды. На основе сопоставления и обобщения опубликованных данных предлагается дефиниция понятия «психологическая устойчивость к деструктивному цифровому контенту» в его связи с содержанием понятий психологическая устойчивость и деструктивная информация. Описываются индикаторы этой устойчивости, приводятся и обобщаются эмпирически верифицированные данные о ее личностных предикторах.*

***Ключевые слова:** цифровое пространство, цифровое поведение, личностная детерминация, психологическая устойчивость, деструктивный контент, психологическая диагностика.*

***Введение.** По мере тотальной цифровизации жизненного, в том числе образовательного, пространства все опаснее проявляется противоречие между позитивным потенциалом цифрового мира с его богатейшими возможностями для*

развития и самореализации личности и, специфическими угрозами ее психологической безопасности, рисками разрушительного воздействия информационного контента на внутренний мир и психологическое благополучие личности, ее внутреннюю и внешнюю активность. Очевидная недостаточность для устранения этого противоречия управления «внешними» по отношению к личности факторами (контроль содержания цифрового контента и устранение реальных и потенциальных «вредностей», оптимизация «режима» присутствия личности в виртуальной среде и т. д.) заставляет обратить внимание на внутренний фундамент психологической безопасности личности в цифровом мире – ее психологическую устойчивость к присутствующим в этой среде вредоносным факторам. Запрос образовательной, психологической и в целом социальной практики на научно обоснованный инструментарий для измерения, прогнозирования и формирования такой устойчивости актуализирует задачу определения его теоретико-методологических оснований. В данной публикации отражены некоторые выводы из проведенного теоретического анализа релевантных научных источников.

Материалы и методы. Исследование носит теоретический характер, включая теоретический анализ, сопоставление и концептуализацию накопленных научных данных.

Результаты и обсуждение. Анализ научных публикаций показывает, что несмотря на то, что цифровое поведение как психологический феномен относительно недавно переместилось в проблемное поле психологических исследований, количество посвященных ему научных работ уже достаточно велико. В настоящее время научный интерес к цифровому поведению как целостной системе действий, связанных с особенностями его коммуникативной, когнитивной, мотивационной и эмоциональной сфер [3], сосредоточен как на его неконструктивных и девиантных проявлениях, так и на его просоциальных аспектах, особенностях психического развития и саморегуляции личности, проявлении ее субъектности в цифровом жизненном (в том числе образовательном) пространстве. Изучаются не только личностные детерминанты (когнитивные, аффективные и ценностно-смысловые) цифрового поведения, но и биологически обусловленные «генетические»

предикторы его конструктивных/деструктивных проявлений [6]. Значительный вклад в научное понимание психологической детерминации цифрового поведения внесли многочисленные исследования индивидуально-психологических переменных проблемного использования интернета (интернет-аддикций, доксинга, думскроллинга, груминга, виктимного интернет-поведения и т.п.). Однако, полученные данные, при всей их научной ценности, не объясняют в полной мере, почему обычные люди без интернет-девиаций поддаются (или оказываются устойчивыми) воздействию информации, вводящей в заблуждение, даже тогда, когда противоречат ранее сформированным убеждениям, вызывающей временное или устойчивое состояние субъективного неблагополучия и побуждающих к социально или саморазрушительной активности. Между тем, не решив проблемы индивидуальной психологической устойчивости к деструктивному воздействию цифрового контента, невозможно решить проблему психологической безопасности человека и социума в современном цифровом пространстве.

На основе данных, накопленных за длительную историю многопланового изучения феномена психологической устойчивости, специфики её проявлений в ответ на вредные факторы в различных условиях жизнедеятельности, оформились выводы, разделяемые большинством исследователей, несмотря на разнообразие их авторских подходов и интерпретаций. В их числе: представление о психологической устойчивости человека как сохранности надежного функционирования его психофизиологических систем, психических функций, необходимого качества его психической деятельности и субъективного благополучия в неблагоприятных для этого обстоятельствах; признание интегральной природы психологической устойчивости, базирующейся как на биологически обусловленных, так и на сформированных в процессе жизнедеятельности и социализации основаниях; выделение сопоставимых измерений психологической устойчивости (когнитивного, мотивационно-ценностного, аффективного, саморегуляционного и поведенческого), наполняемых специфическим содержанием в отношении различных видов психологической устойчивости; признание того, что специфика вредных, неблагоприятных, факторов определяет индикаторы и комплекс

индивидуально-психологических особенностей личности, обеспечивающий конкретный вид психологической устойчивости.

С учетом вышесказанного психологическая устойчивость к деструктивному информационному контенту в общем плане может быть определена как сохранность психологического благополучия и внутреннего мира личности, уровня и качества ее психической деятельности, надежного функционирования всех подсистем ее психики при встрече с вредоносной информацией в цифровом пространстве [2]. Под вредоносной (деструктивной) цифровой информацией при этом понимается контент, содержащий элементы (содержательные, визуальные, слуховые, ритмические и иные), вызывающие негативные изменения в психическом состоянии и поведении человека, временное или устойчивое состояние субъективного неблагополучия, формирование у него установок, побуждающих к социально или саморазрушительной активности. Как и другие проявления психологической устойчивости, этот вид устойчивости может рассматриваться ситуационно как результат мобилизации имеющихся у личности психофизиологических и личностных ресурсов «здесь и сейчас», и как устойчивая личностная характеристика (которую можно формировать).

Определение сущности изучаемого психологического феномена и дефиниция используемого понятия являются необходимой предпосылкой, но недостаточны для разработки диагностического инструментария, опирающейся на операционализацию, выделение основных измерений объекта диагностики. И, если сами измерения (универсальные для разных проявлений психологической устойчивости) могут быть выделены на основе уже имеющихся данных, то их психологическое содержание, отражающее специфику обсуждаемого вида устойчивости, остается недостаточно раскрытым из-за разрозненности, фрагментарности и противоречивости необходимых для этого эмпирически верифицированных данных.

На данный момент можно говорить о непротиворечивом теоретическом и эмпирическом подтверждении связи психологической устойчивости личности к деструктивному цифровому контенту с отдельными чертами «большой пятёрки» («добросовестность», открытость новому опыту), с некоторыми особенностями

когнитивной сферы (критичность мышления, когнитивный стиль, рефлексивность и др.) [1; 7; 9; 10; 14; 17], с локусом контроля [13], эмоциональным интеллектом [12], с эмоциональностью как личностной характеристикой и эмоциональной напряженностью как состоянием [17]. Из имеющихся данных следует, что устойчивость человека к деструктивной информации в интернете может снижаться при наличии у него черт «темной триады (выявлена отрицательная связь с нейротизмом, эмоциональностью и импульсивностью) [8; 10; 11]. Эти данные логически сопоставимы со специфическими индикаторами обсуждаемого вида устойчивости, описываемыми исследователями (способностью к различению ложной и достоверной информации в цифровом пространстве; рефлексией собственного реагирования на получаемую цифровую информацию и контролем собственного цифрового поведения; эмоциональной саморегуляцией в ответ на эмоционально-агрессивный контент; устойчивой установкой на верификацию значимого контента даже в случае, когда он совпадает с ранее сформированными убеждениями; отсутствием интернет-девиаций). Тем не менее, этих данных пока недостаточно для разработки валидного диагностического аппарата, поскольку, как отмечают многие исследователи, связь индивидуально-психологических особенностей личности с ее психологической устойчивостью к вредным информационным факторам нелинейна, опосредована их взаимосвязью и взаимовлиянием, имеет сложный, пока недостаточно изученный характер. Поэтому необходимо изучение взаимодействия множественных мотивационных и когнитивных механизмов информационного поведения людей, их эмоциональных, саморегуляционных и поведенческих особенностей, определяющих их устойчивость к вредным информационным факторам. Вышесказанным, в частности, обусловлен интерес авторов к концепциям специфической мотивации информационного поведения, раскрывающим мотивационные механизмы обсуждаемого вида устойчивости [4; 5; 15; 16]. Однако их теоретические выводы ожидают эмпирического подтверждения.

Все вышесказанное затрудняет на текущий момент разработку востребованного образовательной практикой диагностического аппарата для измерения

психологической устойчивости участников образовательного процесса к деструктивному контенту в цифровом пространстве. Применяемые некоторыми исследователями наборы заданий фейкового и правдивого содержания недостаточно валидны и надежны, поскольку успешность выявления ложной информации в одном комплексе не означает такой успешности при работе с другими наборами. Кроме того, применение таких заданий не позволяет измерить другие важные параметры (эмоциональные, мотивационные и т. д.) данного вида психологической устойчивости. Попытки использовать с этой целью комплексы психодиагностических методик, измеряющих предположительно связанные с изучаемым явлением индивидуально-психологические особенности с опорой на данные, полученные ранее относительно других видов психологической устойчивости, не учитывают специфику, а потому недостаточно прогностичны, и, как правило, перегружены избыточным количеством методик. Для создания же отдельной валидной диагностической методики необходимы дополнительные данные с учетом особенностей функционирования личности в цифровом пространстве и специфики цифрового контента (его не только содержательных, но и визуальных, аудиальных, пространственных и ритмических элементов).

Список литературы

1. Прохорова И.Ф. Механизмы сопротивления индивида ложной информации / И.Ф. Прохорова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – №4 (58). – С. 164–166. – DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.58.070>. EDN YKMPTJ.
2. Хащенко Т.Г. Новые вызовы и актуальные аспекты проблемы личностной устойчивости подростков к деструктивному информационному воздействию / Т.Г. Хащенко // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. – 2022. – №2 (15). – С. 85–93. – DOI: [10.54072/26586568_2022_5_2_85](https://doi.org/10.54072/26586568_2022_5_2_85). EDN MXIXQM.

3. Погожина И.Н., Подольский А.И., Идобаева О.А., Подольская Т.А. Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ // Вопросы образования. – 2020. – №3. – С. 62. DOI 10.17323/1814-9545-2020-3-60-94. EDN IBZGEA.
4. Chaiken S. Beyond accuracy: defense and impression motives in heuristic and systematic information processing / S. Chaiken, R. Giner-Sorolla, S. Chert // *The psychology of action: linking cognition and motivation to behavior*. – NY: Guilford Press, 1996. – P. 553–578.
5. Cornwell J.F. M. and Higgins, E. T. The tripartite motivational essence of man: Value, Control and Truth working together / J.F. M. Cornwell, E.T. Higgins // *Oxford Handbook of the Essence of Man /edited by M. van Someren and J. F. Dovidio*. – NY: Oxford University Press, 2018. – P. 71–81.
6. Denisova E. et al. Psychological and genetic characteristics and strategies of students' digital behavior in the context of the formation of the digital ecosystem // *BIO Web of Conferences*. EDP Sciences. 2024. Vol. 84. P. 04036. DOI: <https://doi.org/10.1051/BIOCONF/20248404036>. EDN DALLMK
7. Ecker, Ullrich K.H. The psychological drivers of misinformation belief and its resistance to correction // *Nature Reviews Psychology*. 2022. Vol. 1.1. – P. 13–29. DOI: <https://doi.org/10.1038/s44159-021-00006-y>. EDN DQUPGY
8. Hidalgo-Fuentes S. Uso problemático del smartphone: el papel de los Cinco Grandes, la Tríada Oscura y la impulsividad // *Aloma: revista de psicología, ciències de l'educació i de l'esport*. 2021. Vol. 39. №1. P. 17–26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://revistaaloma.blanquerna.edu/index.php/aloma/article/view/480> (дата обращения: 05.02.2025). – DOI:10.51698/aloma.2021.39.1.17-26. – EDN ODTGCR
9. Kaufman R. WARNING This Contains Misinformation: The Effect of Cognitive Factors, Beliefs, and Personality on Misinformation Warning Tag Attitudes/ R.Kaufman, A. Broukhim, M. Haupt. // *arXiv*. 2024. – DOI: 10.48550/arXiv.2407.02710

10. Kwek A. Distractions, analytical thinking and falling for fake news: A survey of psychological factors // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. Vol. 10. №. 1. P. 1–12. DOI 10.1057/s41599-023-01813-9. EDN GPMTMD
11. Martel, C. Reliance on emotion promotes belief in fake news / C. Martel, G. Pennycook, D.G. Rand // Cognitive Research: Principles and Implications. 2020. Vol. 5 (1). – P. 1–20. – DOI: 10.1186/s41235-020-00252-3/. EDN ZHJAFR
12. Preston, S. et al. Correction: Detecting fake news on Facebook: The role of emotional intelligence // PLOS ONE. – Vol. 16 (10). – P. e0258719 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3MHJPu> (дата обращения 10.05.2025). – DOI: 10.1371/journal.pone.0258719. EDN UNLNBP
13. Prisăcaru, A. The Mediating Role of Cognitions and Locus of Control in the Management of Emotional States Induced by «Fake News» in a Group of Students // International Journal of Advanced Multidisciplinary Research and Studies. 2024. Vol. 4. Issue 3. P. 320–329.
14. Sarno D.M. Who gets caught in the Web of lies? Understanding susceptibility to phishing emails, fake news headlines, and scam text messages // Human Factors. – 2024. Vol. 66. №6. P. 1742–1753.
15. Sharot T. How people decide what they want to know // Nat. Hum. Behav. 2020. №4. Pp.14–19. – DOI: 10.1038/s41562-019-0793-1. EDN AEXCUX
16. Zhou Y and Shen L Processing of misinformation as motivational and cognitive biases // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. P. 1430953 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39282675/> (дата обращения 14.05.2025) – DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1430953.
17. Wolverton C., Stevens D. The impact of personality in recognizing dis-information // Online Information Review. 2020. Т. 44. №1. P.181–191 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/oir-04-2019-0115/full/html> (дата обращение 15.05.2025).